

Е.В. Никольский

Специфика удмуртского политеизма: первобытная религия и инородные влияния

В статье рассматривается своеобразие религиозных верований удмуртского народа. Дана характеристика пантеона удмуртов, основных божеств, делается вывод о том, что понятия абсолютного добра и зла, институт постоянного жречества (как атрибуты раз-витой религии) не сформировались в данном этно-культурном ареале. Образ верховного божества Инмара впервые соотносится с идеями В. Шмидта об изначальном прамонотеизме. Определенное влияние оказали на удмуртов верования соседних народов, татар и русских.

Ключевые слова: удмурты, язычество, изначальный монотеизм, религиозный синкретизм, политеизм, пантеон, добро, зло, народные верования, злые духи, жертвоприношения.

В Удмуртии, как и в других финно-угорских республиках российского Поволжья, возрождение язычества в наши дни неразрывно связано с национальным движением, что предопределено живучестью политеизма в регионе. Ведь, как известно, национальные религии накладывают отпечаток на быт и ментальность, изучение их специфики необходимо для развития межкультурной коммуникации, налаживания взаимопонимания между народами и, конечно, для миссионерских целей. В настоящее время далеко не все системы верований народов России проанализированы в полной мере.

Большой интерес представляют религиозно-мифологические представления удмуртов. До не ставшей активной проповеди христианства у удмуртов была своя религия с пантеоном божеств,

обрядами и жертвоприношениями (по непроверенным данным и человеческими в том числе). С распространением христианства языческая религия удмуртов не утратила свое значение. Язычество имеет более глубокую историю, оно связано с общественно-бытовым укладом людей, которые его создали. Но постепенно символы и предметы христианства начинают использовать в их обрядах. А под влиянием новой религии, сожительства вотяков (старое название удмуртов) с русским населением вотская (то есть удмуртская) религия изменяется: прежние обряды забываются, изменяются или усложняются новыми чертами, заимствованными уже от соседей. Происходит смешение. И от поколения к поколению народные верования теряют свое значение. Люди все чаще посещают христианскую церковь, оставляя свои места молений. В жизни удмуртов религия и сегодня занимает важное место. Но зачастую она принимает все равно сугубо языческий характер.

Один из первых исследователей удмуртского политеизма Н.Г. Первухин¹, и современные религиоведы (П.Н. Луппов², Н.Н. Блинов³, В.Е. Владыкин⁴, В.Я. Петрухин⁵ и др.) указывают на то, что исконная религия удмуртов до сих пор еще не изучена в надлежащей степени, да и вряд ли удастся ее когда-нибудь раскрыть и проанализировать полностью. Действительно в те времена, когда вотяки были поголовно язычниками, никто не занимался описанием их религии и культа; первые описания вотских религиозных обрядов, притом немногочисленные и краткие, относятся лишь к XVIII в., когда вотяки уже начали принимать христианство.

Между тем, под влиянием контактов с народами, исповедующими мировые религии, в т.ч. христианство, прежние обряды забываются, изменяются или обретают новые черты, заимствованные уже от соседей. Н. Первухин в своей работе «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия

¹ Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях / Н.Г. Первухин. – Вятка, 1888. – 105 с.

² Луппов, П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века / П.Н. Луппов. – Ижевск, 1999. – 333 с.

³ Блинов, Н.Н. Языческий культ вотяков / Н.Н. Блинов. – Вятка, 1898. – 120 с.

⁴ Владыкин, В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. – Ижевск, 1994. – 383 с.

⁵ Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров. / В.Я. Петрухин. – Москва, 2005. – 463 с.

вотяков по ее следам в современных преданиях» (1888) приводит вотское предание о Кылдысине, в котором усматривается некоторая аналогия с Иисусом Христом и Магометом, а также отмечается русское влияние на религиозные воззрения вотяков. Высказывается предположение, что удмуртские верования к началу их этнографического изучения уже представляли один из вариантов восточно-европейского народного христианства⁶.

Данное суждение нам представляется оригинальным, но не основательным, ибо в основе христианства (вне различия конфессий) лежит почитание одной личности – Господа Иисуса Христа, а в народной практике часто совмещалось несовместимое – магические обряды, фрагменты православного культа; то есть точнее было бы сказать о некоем религиозном синкретизме, включающем в себя в качестве составного элемента по-язычески истолкованные христианские обряды, символы и предания.

Многие крещеные удмурты по существу оставались верны своей старой вере. Произошло как бы разделение сфер функционирования религии: в официальной сфере господствовало Православие, в семейно-общинной сохранилась своя «домашняя религия». Постепенно начался процесс их взаимного проникновения, в результате чего стали складываться специфические образы религиозного синкретизма: Николай Чудотворец слился с удмуртским Ньюлэсмуртом, Илья пророк с Гудыримумы, Кылчин стал ангелом-хранителем.

Все это привело к тому, что сведения о пантеоне вотских богов противоречивы: расплывчаты функции, противоречивы наименования, различны обряды даже в рамках одной местности. Наиболее подробный, хотя и далеко не полный перечень богов, полубогов и духов мы находим у Богаевского, Елабужского, Верещагина, Первухина, Гаврилова.

⁶ Шумилов, Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века / Е.Ф. Шумилов. – Ижевск, 2001. – С. 52.

Автор	Преимущественно добрые боги	Преимущественно злые боги
Бехтерев	Инмар Муциен-муму Шунды-муму	Керемет/Шайтан Алида/Нюлэсь-нюня Чатчес-нюня Албаст Ву-мурт
Блинов	Булда Инмар Гудыри Му-Кылдысин/Кылчин Шунды-муму	Султан-Акташ/Луд
Богаевский	Инмар Му-Кылчин Шунды-муму Нюлэсь-мурт Ву-мурт Воршуд Инву Мудор	Керемет
Елабужский	Будзим инмар – великий бог Кылчинь-инмар – ангел-бог Покчи-инмар – малый бог Му-Кылчинь – земной ангел Ахташ – дал свет Шунды-муму Булда	Керемет/Султан/Луд
Первухин	Инмар Кылдысин Квазь	Шайтан Керемет Акшан Вожо Кутысь Пери Чер Полубоги: Ву-мурт, Нюлэсь-мурт, луд- мурт, гид-мурт, корка- мурт, палэсь-мурт, увир (убир).

<p>Верещагин (цит. по Блинову)</p>	<p>Инмар Воршуд Инву Му-Кылчин Гудыри-мумы Шунды-мумы Кыл</p>	<p>Керемет Акташ Чер Нюлэс-мурт (нюлэсь- нюня, сик-мурт, Юэтбече) Луд</p>
<p>Гаврилов</p>	<p>Быдзим-инмар Осто-инмар Кылдысин Инмар-анай Шунды-мумы Вор-шуд Му-кылчин</p>	<p>Шайтан Пери Албасты Луд-пери Ву-мурт Пор-вожо Ибыр</p>

Для удмуртского пантеона характерно большое количество все-возможных богов, божеств, духов и различных существ порой не совсем ясного происхождения. Все они, как полагали удмурты-язычники, так или иначе оказывали воздействие на жизнь человека и природы в целом.

Однако большинство исследователей среди главных богов называет Инмара и Кылдысина (Му-Кылчина), а воплощением злого начала считает Керемет/Шайтана, который в некоторых районах почитается под именем Луд. Н. Первухин, исследователь XIX ст., в своем труде «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» к главным божествам добавляет бога по имени Квась. Автор указывает, что само значение этих имен объяснить уже довольно трудно, так как, хотя вотяки Глазовского уезда обратились в христианство какое-нибудь столетие назад, ему не удалось отыскать среди них ни одного старика, который мог бы воспроизвести полную картину «вотского Олимпа»: «Вернее всего, по нашему мнению, первое название: "**Инмар**" (от слова "**ин**" область, власть и "**мар**" – свет, чистота) может значить: **владыка света, ясности, чистоты** <...> Второе имя: "**Кылдысин**" (от глагола "**кылдыны**" – трудиться, заботиться и того же слова "**ин**") – можно принять в смысле: **власти заботящейся, владыки промыслителя**. Нередко,

когда Кылдысин поминается отдельно, а не наряду с именами Инмар и Квазь, – он носит имя "**Кылдысин му**" ("му" земля) и тогда им получается более личных черт и он является **спасителем и промыслителем специально земли**. Наконец, третье название: "**Квазь**" (сохранившееся ныне лишь для обозначения сырости в погоде и даже на земле) имело в древности значение названия: **бога атмосферы и совершающихся в ней метеорологических явлений**. Таким образом триада древнего вотского Олимпа разделяла между собою обладание тремя частями видимого мира: 1) светлым, ясным небом со всеми рассеянными по нем светилами, 2) землей с ее пастбищами и пажитями и с ее обитателями, и, наконец, 3) тем, что лежит между небом и землею, т.е. атмосферой со всеми явлениями в ней совершающимися»⁷ (выделено мною. – Е.Н.).

Инмар – верховное божество в удмуртской мифологии, своего рода «бог-творец». Инмар – демиург, создатель всего хорошего, он противостоит Керемету (Луду, Шайтану). Родственен финскому Ильмаринену, марийскому Йыну (инверсия) и божество коми Ену. Инмару молятся о хорошей погоде и урожае. Наряду с Инмаром верховными божествами в традиционных верованиях удмуртов являются также Кылдысин, Квазь, Инву.

Согласно удмуртскому космогоническому мифу, во время сотворения мира Керемет (Луд, Шайтан, Вукузе) по велению Инмара, нырнул в Мировой Океан и достал со дна землю, принес ее во рту. Часть земли Керемет утаил, но когда земля по велению Инмара начала разрастаться, он был вынужден ее выплюнуть – так на ровной земле появились горы. Сначала Инмар создал великанов (алангасаров), и лишь потом появились люди, а великаны исчезли.

Инмар – бог добрый и милостивый, не может вводить человека в грех, делать зло и по своему милосердию не требует умиловительных жертв. В жертву Инмару приносились исключительно благодарственные жертвы: гуси, овцы и коровы, которые не должны иметь ни одного черного пятна, жеребята и лошади непременно соловой масти. Порядок жертвоприношения чаще всего был следующим: на земле, в роще или поле раскладывался костер. Жи-

⁷ Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. С. 2.

вотное или птица подносится в жертву таким образом, чтобы кровь вытекала прямо в огонь. А затем в огонь же бросаются (по возможности неповрежденными) все кости и остатки от животного, мясо которого съедается, а шкура может быть продана.

Инмар сотворил также растения и животных. В удмуртском антропологическом мифе порою (не всегда основательно) усматриваются влияния библейских преданий. Инмар сотворил первого человека Урома (букв. «друг») из красной глины и поселил его в прекрасном саду, плодами которого человек должен был питаться. Довершив творение, Инмар послал Керемета проверить, все ли хорошо на сотворенной земле, и Керемет увидел Урома скучающим. Узнав об этом, Инмар велел Керемету научить Урома делать кумышку – напиток, разгоняющий скуку, но и это не развеселило человека. Когда Керемет рассказал, что человек по-прежнему тоскует, Инмар обвинил бога-конкурента во лжи, в ответ на что тот плюнул последнему в лицо, и это послужило началом их вечной вражды (по народным поверьям, Инмар преследует своего противника, метая в него молнии, а тот прячется в деревьях и т. п., издеваясь над богом-громовержцем). Когда Инмар сам удостоверился, что Уром скучает, тот поведал богу-творцу, что ему нужна жена. Инмар сотворил женщину и наказал Урому в течение года не пить кумышки, уже оскверненной Кереметом. Керемет, однако, вселил любопытство в женщину (за что был проклят Инмаром), и та отпила напитка, угостив и мужа: в кумышку Керемет поместил смерть и грехи; падшие люди были изгнаны из рая.

По другим вариантам мифа Инмар устроил потоп после грехопадения: затем он сотворил еще несколько пар людей из красной глины, приставив к ним собаку. Но ее отвлек Шайтан, который успел облизать новосотворенного человека. Инмар омыл свое творение, но не полностью, от чего произошли человеческие болезни. Есть и третий вариант мифа. Инмар создал первую человеческую пару одновременно, но позабыл для них в берестяной коробке на небесах разум, пока бог возвращался на небо, Шайтан оплевал творение небожителя. Вернувшись «Инмар вывернул оплеванных людей наизнанку – поэтому внутри у людей болезни, – а разума вкладывать в них не стал. Неразумные великаны убрели прочь (сходные мифы о менквах сохранились у обских угров).

Творение продолжалось: Инмар создал всякую живность, а Шайтан из своей бороды – козу. Из коряг хозяин воды творит вумуртов – «водяных людей». Наконец, Шайтан добирается до берестяной коробки с разумом и разбрасывает его по всей земле.

На земле в то мифическое время творения обитали великаны алангасары. Лишенные разума, они сразу покинули творца и скитались по земле, питаясь сырой рыбой и греясь только во время лесных пожаров. Они не умели строить дома и жили в пещерах, в лесу. Лесные овраги, или логи, – следы ног первобытных великанов, низины – их лежбища (вспомним эстонского Калевипоэга). Стрелы алангасаров – целые сосны. Развлекались же они тем, что метали чугунные шары и плели веревки из сосен. Младший из великанов – не самый высокий, но зато удачливый охотник – нашел частичку разума. Охотясь с собакой, он встретил девушку-мастерицу, которая лепила горшки из глины и сумела приручить лосиху. От них и пошли настоящие люди. Алангасары же ушли на север, оставляя по дороге свои следы – реки и озера, и там окаменели, превратившись в горные утесы северного Урала⁸.

Итак, изложив мифы удмуртов о возникновении мира и человека, мы видим в них явную аналогию с библейским повествованием. Чуть позже мы дадим свою интерпретацию данному обстоятельству. Несколько отступая от основной темы, отметим, что, по мере распространения христианства, образ Инмара сливается с образом Бога-Отца, соответственно и мифология испытывает сильнейшее христианское влияние. Такое мнение высказывал и известный исследователь удмуртского язычества В.Е. Владыкин⁹. Однако мы представляем себе данную проблему несколько по-иному. В образе Инмара можно усмотреть следы изначального прамонотеизма, суть которого сводится к тому, что все народы земли в начальный период своей истории исповедовали единобожие, а после отошли от него по разным причинам. По этой причине следы древней истинной веры можно усматривать в большинстве языческих религий.

Веру в наличие единого Бога можно объяснить рациональным заключением первобытного человека, согласно которому окружаю-

⁸ Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров. С. 95.

⁹ См. подробнее: Владыкин, В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. – Ижевск, 1994. – 383 с.

ший мир, не являясь продуктом человеческих трудов, создан сверхъестественным существом. Уверенность анимизма в том, что душа (дух) стала прообразом бога, английский этнограф и религиовед Эндрю Лэнг (1844–1912) в своей работе «Происхождение религии» опровергает с помощью фактов из мифологии примитивных народов Океании, свидетельствующих, что бог воспринимается не как дух, а как реально живущее человекоподобное существо. Исходя из этого ученый делает вывод, что вера в бога в ходе развития не нуждалась ни в каких размышлениях о снах и призраках.

Воспринятая из существования снов и смерти уверенность в существовании бестелесной души имеет принципиально иное происхождение, нежели вера в единого бога, которая наличествует в незамутненном сознании первобытного человека, но затем подвергается искажениям со стороны анимистических представлений. Только анализ мифов и эпических литературных произведений («Илиады», «Одиссеи», «Махабхараты» и т.д.) позволяет очистить религию от позднейших наслоений, фигур различных богов и духов и вернуться к ее исходному состоянию. Интересно, что Лэнг, основываясь на своей концепции, положительно оценивал роль христианства, которое, по его мнению, восстанавливает утраченное религиозное единство, соединяя в себе различающиеся традиции интеллектуальной религии эпохи эллинизма и мессианского иудаизма.

В XX в. идея прамонотеизма нашла отклик в трудах тех представителей Римо-Католической Церкви, которые пытались путем использования новейших научных данных подкрепить библейскую идею о «первоначальном откровении». Активным продолжателем теории прамонотеизма стал австрийский священник и исследователь примитивных религий Вильгельм Шмидт (1868–1954), посвятивший обоснованию этой идеи двенадцать томов своего труда «Происхождение идеи бога» (1912–1955). Отталкиваясь от данных антропологических исследований, Шмидт утверждал, что наиболее примитивными являются народы, у которых отсутствует земледелие и скотоводство. К таким народам он причислял пигмеев Африки, аборигенов Австралии, обитателей Андаманских островов и жителей Крайнего Севера – эскимосов. Несмотря на то, что исследователям не удалось зафиксировать у этих племен наличие каких-либо

анимистских, тотемистских или фетишистских верований, вера в единого бога оказывается присуща этим малочисленным народам, что подтверждает наличие в их развитии прамонотеистической стадии, которая оказалась преодолена в дальнейшем остальными народами.

Зададимся вопросом: «Каким образом эти простые в цивилизационно-культурном отношении люди пришли к понятию о могущественном Высшем Существо? Шмидт дает ответ, исходя из двух позиций:

1. Древний человек имел развитое представление об общих понятиях и искал причину всего существующего;

2. Стремление к персонификации данной причины. Наличие понятия «причинности» у древнего человека видно из обнаруженных первых доисторических захоронений, благодаря которым получены ясные доказательства его мыслительного процесса (погребальные урны, орудия труда и быта, древние артефакты). Шмидт связывает происхождение «причинного» мышления с движением тела, определенными действиями, поступками как свидетельством внешнего отражения внутренних процессов, связанных с волей и духовными знаниями. Шмидт свидетельствует, что древний человек был полноценно развитым существом и мог формировать общие понятия и находить причину вещей.

Поиск причины вытекал из самонаблюдения. Волевой инстинкт толкал древнего человека познать окружающий мир, установить причину его возникновения. В познавательном процессе мировосприятия одновременно происходил процесс персонификации образов и явлений. Это привело древнего человека к признанию Наивысшего Существа в качестве надмирной Личности, Первопричины и вместе с тем Господина и Управляющего всем миром и его движением. Такое признание вытекало из логических и психологических законов. Человек видел разумность и гармоничность мира, его порядок и иерархию и приходил к правильному выводу о существовании Наивысшего Существа.

В связи с этим возникает вопрос о том, как представляли себе древние люди это Высшее Существо.

Шмидт отвечает, что принципиального вопроса, является ли Высшее Существо духом или телом, или тем и другим вместе, не

было. В представлении первобытных людей Оно было высоким по содержанию, но простым по форме Существом, хотя и могло иметь антропоморфные элементы. При этом Шмидт отвергает анимистические доводы, приводя этнографический материал, из которого видно, что анимизм и тотемизм отсутствуют в представлении всех пигмеоидных групп. И наоборот, видно явное наличие сравнительно чистого «этического» монотеизма.

«Древний» человек как личность обращался к Высшему Существо с просьбами. Прощения выражались не только словами, но посредством всего тела, чтобы показать, что все части тела принадлежат Ему. Практически все «первобытные» племена называют Его «Отцом». Это имя встречается во всех больших племенных группах, например, в северной Калифорнии (Юкки-Като, Помо, Патвин, Шошон), и особенно сильно распространено у племен алгонкинов и алгонкинских сиюксов (ленапы, микмаки, ойибва, западные гри, монтагнаисы, потаватоми, атсины, арапао, чейены, виннебаго, иова), у самоедов и племен Огненной Земли. Также такое наименование Высшего Существа прослеживается в южной Австралии, у пигмеев-итури, частично – у бушменов.

Очень необычно Высшее Существо проявляет себя в таком аспекте как невидимость, так что Ему во всех племенах приписывают свойство, которое в менталитете «древних» людей имеет в себе нечто духовное, но которое все же в малой степени делает Его видимым на некоторое время и представляемым. Это свойство есть вера в то, что Он сам должен быть по виду светлым, ярким, блистающим и пылающим, а ощущаться, подобно ветру. Хотя эта вера и не всеобщая, но все же почти все первобытные культуры (арктические, североамериканские, азиатские и африканские пигмеи, племена южной Австралии) свидетельствуют, что она несомненно существовала в древнейшей общей религии. Помимо этого Высшему Существо приписывают свойства вечности и вездесущности, источник нравственности и справедливости. С большой уверенностью можно сказать, что это есть то Существо, которое мы называем Единым Богом¹⁰.

¹⁰ Голубев, Денис. Концепция первобытного монотеизма в трудах В. Шмидта / Денис Голубев // Религаре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_63502_1_21.html – Дата обращения: 12.12.2016.

Это Высшее Существо носило личностные характеристики и представлялось в виде некой Потенции, которая должна постепенно раскрыться в истории человечества в целом и развитии религиозных представлений у удмуртов в частности.

В данном контексте следует сугубо отметить то, что на настоящий момент представляется крайне сложным определить, каковы именно истоки формирования образа Инмара: это сохраненная веками и тысячелетиями память об Боге-Творце (мы склоняемся к этой версии), или влияние развитых монотеистических религий, христианства и ислама.

В XIX в. наиболее распространена была этимология ин+мар «небо-что», предлагалось считать Инмар испорченным Инмурт, «небесный человек». По одной из версии, слово Инмар возникло в результате слияния удм. ин(м) – «небо» и ар – «человек» (из болгарского). В настоящее время наиболее приемлемой является гипотеза, утверждающая, что в слове «Инмар» сохранился древний суффикс *-*г*, а само слово происходит от финно-пермского имени небесного божества.

Второе лицо вотской триады – Кылдысин – прежде жил на небе и управлял жизнью всей Вселенной, являясь покровителем земли и того, что на ней произрастает. По преданиям, он большую часть проводил на земле, среди людей. Но, глубоко обиженный, исчез с поверхности земли, скрывшись, по одной версии, на небо, по другой – под землю.

Последнее указание кажется Первухину наиболее соответствующим древней мифологии, так как шкура и кости животных, приносимых в жертву Кылдысину, не сжигаются, а зарываются в землю. Вследствие этого в некоторых местностях появилось предание о двух Кылдысинах, один из которых сходил на землю для дарования счастья людям и, разгневанный ими, удалился на небо, лишив землю прежнего плодородия, а людей – благосостояния и спокойствия; другой же (Кылдысин-му) всегда жил под землей, принимая характер скорее враждебного человеку божества (сродни Шайтану) и требуя в жертву животных черной масти.

Память о третьем лице – Квазе, ко времени, когда Первухин собирал материал для своей книги, сохранилась только в молитвах.

Основываясь на порядке жертвоприношений Инмару (жертва ему сжигается, чтобы дым достигал неба – области Инмара) и Кылдысину (жертва зарывается в землю), Первухин делает вывод, что остатки от жертвоприношения Квазю могли подвешиваться к ветвям деревьев, чтобы быть «между небом и землей»: «Старики Нововолковского прихода Поломской волости, на Троицкой неделе (перед началом сенокоса, для которого требуется хорошая погода, и по окончании посева яровых) еще недавно приносили у леса... в жертву богу (по их словам "Инмару", а по нашему убеждению "Квазю") красного быка, с большими рогами. Кровь животного собиралась в бураки и сжигалась на костре, а оставшиеся после жертвенного пиршества кости поднимались на сучья ели и здесь подвешивались»¹¹.

Исследовавший обычаи вотяков Глазовского уезда С.К. Кренкин также говорит о поклонении вотяков Высшему Существо Инмару – Кылдысину – Куазю¹². Возможно, такое сочетание прежде разных богов позволило православным миссионерам ввести понятие Троицы на удмуртском языке, хотя не все могли согласиться с такой аналогией. Б. Гаврилов в своем труде «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний» переводит слово «Кылдысин» как «Творец» «на основании Вотяцкой поговорки: Инмар кылдэм кэ – если Бог судил (заповедал, предписал) и на основании глагола кылдымы – творить (Казанской губернии) и "ин" – небо; (т.е. в переводе Гаврилова Кылдысин – Творец неба. – *Е.Н.*) хотя понятия вотяков о лице Кылдысина и не согласны с этим. Они говорят, что Кылдысин сопутствует и охраняет человека везде, находясь постоянно в правой стороне от него, тогда как Шайтан тоже везде следит за ним с левой стороны, желая соблазнить его. Некоторые лица, знающие вотяцкий язык (в Глазовском уезде), производят это слово из кыл, дис, ин, т. е. слово, одежда и небо, и говорят, что оно означает Спасителя или буквально «небесное слово одетое в плоть»; но такое объяснение ни с чем не

¹¹ Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. С. 13.

¹² Кренкин, С.К. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них / С.К. Кренкин // Вятские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11. – С. 548.

сообразно, тем более, что вотяки никакого понятия о лице Спасителя не имеют»¹³.

После Инмара, Кылдысина и Квазя более других почитается Воршуд, имя которого постоянно упоминается в молитвах наряду с именами главных богов. Мнения исследователей о значении воршуда и о том, какое понятие выражается этим словом, также разделились. Крекнин высказывает мнение, что Воршуд считался «добрым божеством, хранилищем земного счастья и благополучия или силой карающей: непочитающие Воршуда наказываются смертью, и, по меньшей мере, слепотой и тому подобными несчастьями»¹⁴. Б. Гаврилов называет его «хранителем счастья»¹⁵. Н. Первухин считает, что «Воршуд» происходит от двух слов: «вордыны» (хранить, оберегать, держать в тайне) и «шуд» (счастье, как благополучие, а также участь, доля, жребий). Все слово переводится как «сокрытая от нас судьбой таинственная доля наша». Первухин предполагает, что:

1. «Воршуд» значит родовое божество (как лары у древних римлян). К общему понятию прибавляется имя родоначальницы. Например: воршуд Бигра, воршуд Докъя и т.д.;

2. «воршудное божество» в древности было одной из метаморфоз Кылдысина (в этом его убеждает и предание, объясняющее значение некоторых предметов, встречающихся в «воршудных коробах» и некоторые формы молитв).

Моления Воршуду совершались не в полях или лесах, а происходили в особых бревенчатых зданиях без печи, без пола и потолка с неплотно уложенной крышей, встречающихся в каждом дворе. Вотяки называют его «Асме куала» – свой шалаш. Это летнее жилое помещение для семьи, несколько раз в году превращающееся в молельню. Обрядом руководил хозяин.

Внутри, в углу, вправо и впереди от входа, на высоте человеческого роста была расположена треугольная полка «мудор» (типа

¹³ Гаврилов, Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Б.Г. Гаврилов. – Казань : Типография А.А. Коковиной, 1880. – С. 143.

¹⁴ Крекнин, С.К. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них. С. 545.

¹⁵ Гаврилов, Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. С. 82.

«божницы»), на которой стояли «воршудные короба». Такой короб тоже имел название «воршуд». В воршудном коробе обычно находились:

- беличья шкурка, к которой были подвязаны серебряные деньги или медные бляхи с подвесками;
- крылышко или хвост рябчика;
- несколько перьев тетерева;
- посуда, употребляющаяся при жертвоприношении;
- куски особого жертвенного хлеба, который печется один раз в год, – осенью, из новой муки, или самими жрецами, или женщинами, под их присмотром и с особыми молитвами. Для закваски теста из воршудного короба берется прошлогодний кусок хлеба, а другие черствые куски сжигаются;
- сучок дерева, чаще березы.

Кроме того, могли встречаться:

- сушеная рыбка (чаще всего окунь);
- кусочек от последней принесенной жертвы (косточка с оставленным на ней вареным мясом);
- жертвы по обету: клочок шерсти или пучок льна;
- мука и крупа, завязанные в тряпочки;
- «лем-нянь» – смесь пива, браги и кумышки, которой жрец делает возлияния на огонь, а потом пьет сам и поочередно дает пить всем присутствующим мужчинам. При разделе, для вновь образующейся семьи, по устройстве дома и куалы при нем, из старого бурачка, находящегося на мудоре, в новый бурачок отливают часть смеси кумышки с пивом; это означает, что старая семья и счастьем старым поделилась с новой.

Среди злых божеств главным является Шайтан, Керемет (Кереметь). Первухин замечает, что наименование злого духа «шайтан» распространено среди народов, исповедующих мусульманство. Он делает вывод, что слово «Шайтан», соединенное с понятием о злом духе – противнике Инмара, не было известно в древней теогонии вотяков, а перешло к ним от племен, исповедовавших магометанство и находящихся с вотяками в близких и долговременных оношениях. Такими племенами, по данным археологических источников, могли быть волжские и камские булгары. Шайтан – безобразное,

рогатое и хвостатое существо, имеющее силы и способности почти равные божественным, но вечно желающее человеку всякого зла, бедствий и несчастий. Его, по представлению вотяков, можно встретить везде, но главным образом в темных оврагах, в лесах, на старых кладбищах, откуда он пробирается в человеческое жилище и откуда изгоняется особыми обрядами в Великий Четверг или накануне Нового года¹⁶.

Преследуемые несчастьями или болезнями вотяки, обращаясь за покровительством к добрым божествам, приносят жертву также и Шайтану (птиц и животных черной масти).

Более древним считается понятие о безличном злом начале, выраженное словом «Керемет». Мы видим здесь несомненное влияние черемисов (марийцев).

Если Инмар – бог добрый и милостивый, то Керемет – напускает болезни, смерть и производит всякие бедствия. Он требует постоянного и усердного умилоствления. Почти все общие богомолья вотяков имеют характер поклонения злему божеству – Керемету, где вотяки приносят жертвы, чтобы отклонить зло. Место поклонения – кереметь или луд (роща). Несмотря на страх перед злым божеством, вотяки не считали грехом обмануть Керемета: часто при жертвоприношении вотяки старались заменить крупную жертву мелкой. В таком случае жертва закалывалась не в луде, а дома, иначе Керемет по крику догадается, что ему подсовывают меньшую жертву, и рассердится еще больше¹⁷.

Кроме добрых и злых божеств, вотская языческая религия признавала существование в природе духов, не многим превышающих силой и могуществом человека, близких им по наружности и образу жизни: злые духи ведут жизнь подобную человеческой, потому и называются «муртами» (одно из названий вотяков уд-мурт) – людьми. Живут семьями, заводят хозяйство, устраивают свадьбы, ездят под видом людей по ярмаркам торговать и играть в карты. Как правило, эти духи приносят вред, но могут и исцелить от болезни.

¹⁶ Кошурников, В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии: Этнографический очерк / В. Кошурников. – Казань : Типография Императорского Университета, 1880. – С. 24.

¹⁷ Бехтерев, В. Вотяки. Их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки / В. Бехтерев // Вестник Европы. – 1880. – Т. 5. – № 9. – С. 158.

Первухин высказывает предположение, что древнейшая религия в их лице почитала души умерших предков¹⁸. Так же считает и М. Елабужский. То, что вотяки видели чаще зло, чем добро, от своих предков, и что умершие предки становятся подобно Шайтанам и другим злым духам, он доказывает следующими фактами:

1. При поминовении предков запрещается говорить при молитве формулу «осто, козма», которая соответствует «Господи, благослови», так как ее очень не любят Шайтаны;

2. При молитве добрым богам под открытым небом надо обращаться к югу, а при поминовении предков к северу;

3. Частные поминки бывают обязательно ночью, а не днем, как моления;

4. Общественные поминки устраивают в глухом месте;

5. Умерших боятся и стараются, чтобы они без приглашения не приходили. С этим связан обычай снимать дверь с петель, а после выноса покойника навешивать так, чтобы она открывалась в другую сторону. Существует также обычай несколько раз повернуть гроб вокруг, чтобы закругить покойника;

6. Считают осквернением прикосновение к покойнику и даже к гробу, щепкам от него. Поэтому все это вывозится на гору или сжигается. Омываются в бане после поминок и похорон. Или греют над огнем шапки и руки. Это же делается при жертвоприношении злым духам кутысям и нюлэс-муртам;

7. Спешат схоронить покойника до ночи. Если не успели, то не спят всю ночь;

8. Называют нюлэс-муртов, ву-муртов и прочих – нюня (дядя) и мумыэ (маменька моя). О чем просили богов, о том же просили и предков, только употребляли слово «йыбыртыны» (кланяться), а не «вцсяськаны» (молиться).

Н. Первухин приводит молитвы, в которых может встречаться одновременно обращение к высшим богам (Инмару, Кылдысину) и к «дяденьке лешему»; к ним же и к предкам¹⁹.

М.С. Елабужский обнаруживает также следы генетической связи добрых божеств со злыми. Например, вотяки верили, что иног-

¹⁸ Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. С. 69.

¹⁹ Там же. С. 75.

да Инмар дает волю Шайтанам, ведунам и прочим портить людей. Для предотвращения порчи избы окуривались пихтой, на порог и окна клали рябиновые ветки и сучья, так как верили, что нечисть не любит рябины и пихты. В тоже время при молениях верховным божествам запрещалось употреблять рябиновые и пихтовые колья. В данном случае сказывалась общность антипатии и Шайтана и Инмара²⁰.

М.С. Елабужский делает вывод, что именно культ предков – первоисточник всей вотской теологии. Культ предков определяет и нормы нравственного поведения. Вотяки могли мало заботиться о тяжелобольных или умирающих, но должны были досконально исполнить ритуал похорон и поминок. Вотяки верили, что после смерти люди получают чрезвычайные силы, направляемые к благополучию или в наказание той семьи, из которой они вышли. Считалось, что если не делать поминок, то умершие сердятся и вредят живым. «Случись вотяку внезапная болезнь в дороге, он уверен, что его "старик поймал", и тут же начинает крошить хлеб, поминая стариков. Если скотина потеряется, говорят: "старики ее спрятали". Если ее увидит посторонний, то не скажет хозяину, – иначе на него рассердятся старики за неуместное вмешательство»²¹.

Даже обряд прощания с умершими называется у вотяков «тырон» – выкуп. Чтобы умилостивить души умерших предков часть поминальной пищи откладывают покойнику с уговорами: «Хорошо ты жил в этой жизни, так же хорошо живи и в будущей. Не мучь и не притесняй нас. Хорошенько храни нашу скотину. Смотри за нашими ребятишками. Больше я не знаю, что тебе сказать, не сердись. Не хватай нас ни спереди, ни сзади». «Эй, вы, там, прадедушки, прабабушки, пусть будет это вам! Для вас мы наварили и напекли. Дайте нам удачу в посеянном хлебе и сохраните его. Дайте детям нашим успех, сохраните их!»²². Обязательным считается приносить жертвы на языческом кладбище. «На могиле поминают покойника

²⁰ Елабужский, М.С. Крепость вотского язычества / М.С. Елабужский // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1903. – № 2. – С. 111.

²¹ Там же. С. 109.

²² Маркелов, М.Т. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов (мордва, мари, вотяки) / М.Т. Маркелов // Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. – Москва, 1931. – Т. 2. – С. 271.

хлебом и кумышкой; сами пьют и едят и умершему на могилу льют и крошат, приговаривая: "пьем кумышку и тебе льем <...> пей эту кумышку на том свете. Хлебом поминаем, ешь его там; ешь и пей с новыми твоими товарищами, живи с ними дружно"²³.

Этот обычай – кормить и поить покойника, оказался, пожалуй, самым живучим из всех и сохранился в той или иной степени до наших дней. В 1955 г. уполномоченный по делам религии с большой тревогой отмечал: «В отличие от прошлого года на Восточном кладбище Ижевска множество людей целыми семьями расположились на могилах своих родственников, совершая своего рода "тризну". Приняли участие рабочие, служащие советских учреждений, интеллигенция»²⁴. Из разговоров с представителями ижевской интеллигенции, не далее как в 1990-е гг. до нас дошли рассказы о том, как внук-удмурт (кстати, имевший высшее техническое образование, коммунист) крошит шаньги и льет водку на могилу бабушки, приговаривая: «Покойница любила водочки выпить».

По языческим представлениям вотяков, в загробной жизни нет ни блаженства, ни мучений, а продолжается жизнь подобная земной. Данное представление о загробной жизни (отсутствие посмертного суда и воздаяния, повторение земного в ином мире в практически идентичных формах) вполне типично для многих родоплеменных и даже для постхристианских квазиверований, распространенных среди обывателей, живущих в индустриальном обществе. Данный аспект теологи обычно связывают с девальвацией в общественном сознании идеи высшего божества и концепта Страшного суда.

Удмурты полагают, что чем человек занимался до смерти, тем будет заниматься и после смерти; в каком возрасте умер, в таком начнет загробную жизнь (в отличие от распространенного среди христиан мнения, что все люди, в т.ч. старики и младенцы, предстанут на Божий суд и в случае помилования обретут вечную жизнь в 33-летнем возрасте). Поэтому удмурты в гроб вместе с умершим кладут трубку или табакерку (если покойный курил или нюхал табак); кочедык – плести лапти (лыко оставляли покойнику то, на ко-

²³ Елабужский, М.С. Крепость вотского язычества. С. 107.

²⁴ Цит. по: Шумилов, Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. С. 196.

тором гроб спускали в могилу); лишнюю перемену белья; деньги; женщинам – серебряные украшения, девушкам – много всякой одежды, чтобы на том свете кто-то посватался к ним, привлеченный богатым приданым; детям – игрушки: «У одного ребенка в прошедшем году после отпевания в гробу мы увидели яичко, кусок вареного мяса, хлеб и новый кисет. «Что в кисете у ребенка?» – спрашиваем. «Пряники, орехи, лодышки» – отвечает мать. «На что же ему лодышки? – говорю матери, – ведь там играть не будет». «А может будет» – мать ответила».

Самого умершего кладут в гроб, который называется «корка» (в переводе с удмуртского – «дом»). Ср. с русским «домовина») в кафтане, рукавицах, с шапкой на голове. Крекнин приводит пример, как «старичок священник из русского села, совершенно незнакомый с верованиями вотяков, при отпевании покойника велел снять покрывало с лица и увидел покойника в шапке и с трубкой во рту. Он был так этим поражен и напуган, что более не смел открывать покойников и отпевал их покрытых пеленой»²⁵. Крекнин свидетельствует, что ему самому неоднократно доводилось в церкви требовать, чтобы с покойника сняли шапку и рукавицы.

Языческие религиозные обряды и суеверия поддерживались среди вотяков их ворожцами и гадателями, знахарями и жрецами. И это неудивительно, но вполне закономерно. Ведь «целая иерархия кудесников была связана с миром сверхъестественного у удмуртов. Главным посредником между людьми и богами был туно (сходное название жреца-колдуна известно и у коми). Он лечил болезни, отыскивал пропавшее имущество, без него не могли определить место для нового поселения: туно должен был помогать во всех затруднениях. Он заговаривал диких зверей и змей, передавал волю богов и указывал, какие жертвы угодны божеству, объяснял, почему предки (вожо) гневаются на потомков.

Туно мог предсказывать будущее и даже вступать в борьбу с божествами. Рассказывают, как в одной деревне кудесник сразился с самим Кереметом и заставил его отказаться от непомерных жертв. Покровителем туно считался Инмар, или Инмар-Кылчин –

²⁵ Крекнин, С.К. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них. С. 552.

воплощение и неба, и земли. Рассказывают, что верховный бог является ночью к тому, кого он назначает быть туно, в сопровождении старого, уже просвещенного им кудесника. Он выводит ученика, играя на гусях, в поле или к огромному оврагу, к широким рекам, через которые натянуты струны. Там посвящаемый видит 77 елей: тот знахарь, который сможет сосчитать хвою этих елей, получает силу насылать порчу и лечить людей. У оврага глубиной 77 сажень, наполненного слюной колдунов-туно, чародеи получают вредоносную силу. Туно должен проплясать на натянутых струнах и не упасть – только тогда его можно считать прошедшим испытание... Волю богов туно также узнавали под игру на гусях в святилище-керемет или в селении. Сам туно обретался вдали от селения (как и русские колдуны, часто жившие особняком). При избрании жрецов туно является для отправления культа в деревню, и его ведут в баню; тем временем в избе вокруг гусяра и стола с тремя обрядовыми хлебами и кумышкой собирается народ. Туно одевают во все белое, опоясывают белым полотенцем, в чашу с кумышкой кладут серебряную монету, и тот начинает ворожить под игру гуслей. Под священную мелодию Инву он начинает пляску с мечом в руках и нагайкой, чтобы изгнать злых духов. Во время пляски туно впадает в исступление, призывает Инмара и в беспамятстве произносит имена тех, которые должны стать жрецами. По серебру гадали и о здоровье: если серебро потускнело, человек подвержен порче. Серебряную монету вбивали в дерево; новобранцы делали это для того, чтобы родители знали их судьбу»²⁶. Казалось, что без совета ворожцов (именуемых обычно туно) вотяк ни шагу не может ступить и подчиняется им беспрекословно. «Настанет ли время богомолья, захворает ли кто? Ворожец сказывает какое животное надобно в жертву принести. Обокрали ли кого воры? Ворожец объясняет где можно найти похищенное имущество»²⁷.

Круг лиц, способных совершать религиозные обряды был достаточно широк, что связано с делением молений на частные, об-

²⁶ Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров. С. 103–104.

²⁷ Цит. по: Коробейников, А.В. Вятское краеведение XIX в. Священник Н.И. Курочкин об удмуртах / А.В. Коробейников, А.А. Туранов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2008. – С. 72.

щественные и т.д.: на частных молениях при жертвоприношении читает молитву сам домохозяин или его старший женатый сын; на напольных деревенских молениях – выборное обществом на данный только, единичный случай лицо; наконец, при молениях многодеревенских, а также в луде и мирских шалашах – особое лицо (вцясь), избираемое ворожцом (туно) на всю жизнь²⁸.

Выбирают жрецов на разные моления по-разному.

1. «Выбор жрецов, которые выбираются только на одно моление происходит по жребию, который кидается по тамгам. Каждый вырезывает на дощечке свою тамгу, т.е. родовой знак и затем, чья тамга вынется, тот и служит попом. Вследствие этого происходит, что зачастую жрецы не знают твердо хода священнодействия, молитв и часто путаются. На двух молениях, где мне удалось присутствовать, я именно и был свидетелем подобной неумелости жрецов»²⁹.

2. В ранге жреца того или иного удмурта мог утверждать мирской сход нескольких деревень – «Бадзым кенеш». Как пишет Н.Г. Первухин, «поп» во многих деревнях выбирался стариками за умение составлять и читать молитвы. Таковыми часто становились люди, по природе своей более склонные к краснобайству, обладающие большим нахальством или смелостью сравнительно с другими и способностью выпивать довольно значительное количество кумышки, не пьянея. Это предпочтительно должен быть человек с красно-рыжими волосами и рыжей бородой (считалось, что он наиболее любим богами)³⁰.

3. Родовые моления совершаются жрецами, служащими более или менее продолжительный срок. Эти жрецы выбираются ворожцами, которые и назначают срок их служению. Таких жрецов два: утись (будзым куа утись), что значит хранящий великий шалаш и его помощник тцре, т.е. предводитель, тысяцкий. Вот как описывает

²⁸ Елабужский, М.С. Моления некрещеных вотяков Елабужского уезда / М.С. Елабужский // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1895. – № 15. – С. 622–623.

²⁹ Богаевский, П.М. Очерки быта сарапульских вотяков / П.М. Богаевский // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – Москва, 1888. – Вып. 3. – С. 23

³⁰ Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. С. 17.

этот обряд Богаевский: когда истекает срок службы прежних жрецов, жители деревни обращаются к туно, живущему непременно вдали от их селения. Делается это из-за предположения, что такой туно, как человек чужой, лично не знает никого из них. Когда все готово, является гусяр и начинает играть на гусях. Притом должно заметить, что для этого обряда существует особый священный мотив и инструментом обязательно являются гусли. Туно должен быть обязательно одет в белые одежды. Бывшие жрецы опоясывают его в это время белым полотенцем (стягивая, насколько хватает сил). После ворожбы туно встает и под игру на гусях начинает пляску, держа в руках меч (по другим источникам саблю, палаш) и нагайку, черенок которой должен быть непременно из ветвей таволожки, так как нечистая сила, по мнению вотяков, боится этого дерева. Очевидцы рассказывают, что пляска происходит вокруг меча, который втыкается в пол посреди избы. Во время пляски туно в исступлении падает и выкрикивает имена будущих жрецов, спрашивая каждый раз «есть ли такой?» Если такого нет, то его поднимают и он продолжает плясать и выкрикивает вновь имя нового утиса, пока не получит утвердительного ответа на свой вопрос³¹. Случается, что туно во время пляски падает на разожженный огонь, но при этом не получает ожогов. При падении у него иногда идет пена изо рта³².

Кроме выбора жрецов, туно назначает места для общественного моления, жертвы. Подходящее животное вотяки готовы купить, во что бы то ни стало. Крекнин описывает случай, когда ворожец указал на конкретного быка, как на жертву. Вотяки давали хозяину 50 рублей, вместо обычных 15–20, но тот быка не продал. Тогда быка украли и все-таки принесли в жертву. За кражу 11 человек были приговорены к тюремному заключению³³.

Туно утверждает, что с ним беседует бог. Многие вотяки верят этому. Другие, напротив уверены, что ему открывает все Шайтан. Редко кто решается послушаться советов туно. Елабужским зафиксирован случай, когда туно предложил одному вотяку: «Если хочешь разбогатеть, сожги сначала свой дом». После продолжительного ко-

³¹ Подробнее см.: Богаевский, П.М. Очерки быта сарапульских вотяков. С 27–29.

³² Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. С. 30.

³³ Крекнин, С.К. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них. С. 555.

лебания, тот действительно поджог свой дом, а с ним сгорело еще десять³⁴.

Несмотря на такое многообразие жреческих обязанностей у вотяков так и не сформировался профессиональный институт служителей культа, без которых религия не способна выйти на общенациональный уровень. У вотяков отсутствовали книги, в которых были бы записаны последовательность обрядов, молитвы и другие необходимые для богослужения моменты. Запись преданий об этих книгах и их исчезновении мы находим у Н. Первухина и Б. Гаврилова. Вотские жрецы, как представители «рода», могли служить только для обитателей своей деревни, села или группы деревень, а в ином регионе никакими правами не обладали, более того, могли не знать «чужие» ритуалы, которые, скорее всего, отличались в деталях. Выбранный малым составом жрец не мог стать объединяющим этнос звеном. Исключено, чтобы он, в отличие от духовенства, мог рассчитывать на «работу по специальности» в другом «приходе». У тех были свои, местные жрецы. Мирским сходом определялись и конкретные дни праздников, которые у разных родов могли не совпадать.

Таким образом, поскольку прежде вотяки разделялись почти на 60 родов, язычество больше разобщало, чем объединяло их. Только христианство, как мировая религия, оказалось способно объединить их в рамках единой веры и включить в общемировой процесс. Однако это, к сожалению, не достояние истории, а объективная и необходимая задача современности.

Процесс христианизации удмуртов прошел несколько этапов. Ранние из них характеризуются изданием ряда правительственных указов и распоряжений, дарующих определенные льготы новокрещеным с целью ускорения их обращения, что привело к тому, что к началу XIX в. большая часть язычников была крещена. К издержкам этого политического подхода можно отнести то, что правительство не могло проконтролировать выполнение своих указов, и на местах процветали различного рода злоупотребления: от невыплаты льгот до принуждения к принятию христианства, насильственного переселения вотяков из родных мест.

³⁴ Елабужский, М.С. Крепость вотского язычества. С. 623.

Среди духовенства нередко встречался формальный подход к делу миссии. Проповедничество понималось, главным образом, как наблюдение за тем, не уклоняются ли новокрещенные от выполнения требований христианской религии. При обнаружении подобных случаев священники не утруждали себя увещанием, но чаще обращались к органам светской власти, которые и применяли разные способы воздействия, вплоть до физического наказания.

Вследствие этого ряды христиан росли, но православие было воспринято удмуртами неосознанно. Поэтому при первой возможности (например, Указ Екатерины II от 1773 г., Пугачевский бунт) они старались получить разрешение отказаться от христианства и жить по прежней вере.

Недостаточность просвещения, незнание как богослужбного, так и разговорного русского языка, на котором к удмуртам обращались миссионеры и проповедники, способствовали тому, что православие воспринималось ими как вера «русская», чуждая, которую надо избегать, чтобы не быть наказанными своими богами.

С другой стороны, сближение с русскими посредством восприимчивости от купели и смешанных браков приводило к тому, что многие новокрещенные быстрее оставляли свои старые привычки и обряды, осознавая положительную роль приобщения к мировой религии. Как утверждает Е. Шумилов, подобное приобщение в те времена играло роль своеобразного квалификационного требования. С партнером-язычником никто из купцов-христиан или мусульман не стал бы вести на равных какие-либо серьезные операции. Язычник не мог равноправно участвовать в них не столько из-за того, что поклонялся «низшим», осмеянным богам, сколько потому, что не мог закрепить честное купеческое слово ни молитвой, ни крестным знаменем, ни клятвой на Библии или Коране³⁵.

Язычество как религия больше разобщало, чем объединяло удмуртов. У них было мало общих для всего этноса богов, обрядов, ритуалов, праздников. Места для молений тоже строго разграничивались по родам. Жрецы, как правило, тоже являлись представителями определенного рода и в другом регионе никакими правами

³⁵ Шумилов, Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. – С. 165.

не обладали. Только христианство, как мировая религия, оказалось способно объединить удмуртов в рамках единой веры и включить в общемировой процесс.

Наиболее действенным в плане утверждения новокрещенных в вере оказались методы, которые использовались в православном миссионерстве еще со времен Кирилла и Мефодия. Среди них можно обозначить употребление языка просвещаемого народа и привлечение к церковному служению новообращенных из местного населения. Это стало возможным благодаря созданию письменности, переводам Библии и других книг на вотский язык, использование его в проповеди, богослужении и образовании. Миссия только тогда оказалась эффективной, когда распространение Евангелия стало делом не только священников, но и самих прихожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богаевский, П.М. Очерки быта сарапульских вотяков / П.М. Богаевский // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – Москва, 1888. – Вып. 3. – С. 16–34.
2. Блинов, Н.Н. Языческий культ вотяков / Н.Н. Блинов. – Вятка, 1898. – 120 с.
3. Бехтерев, В. Вотяки. Их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки / В. Бехтерев // Вестник Европы. – 1880. – Т. 5. – № 9. – С. 645–673.
4. Васильев, И.В. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний / И.В. Васильев. – Казань, 1906. – 88 с.
5. Владыкин, В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. – Ижевск, 1994. – 383 с.
6. Гаврилов, Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Б.Г. Гаврилов. – Казань : Типография А.А. Коковиной, 1880. – 194 с.
7. Голубев Денис. Концепция первобытного монотеизма в трудах В. Шмидта / Денис Голубев // Религаре [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://www.religare.ru/2_63502_1_21.html – Дата обращения: 12.12.2016.

8. Елабужский, М.С. Крепость вотского язычества / М.С. Елабужский // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1903. – № 2 – С. 36–48; № 3 – С. 608–634.

9. Елабужский, М.С. Моления некрещеных вотяков Елабужского уезда / М.С. Елабужский // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1895. – № 15 – С. 621–631.

10. Коробейников, А.В. Вятское краеведение XIX в. Священник Н.И. Курочкин об удмуртах / А.В. Коробейников, А.А. Туранов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2008. – 96 с.

11. Кошурников, В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии: Этнографический очерк / В. Кошурников. – Казань : Типография Императорского Университета, 1880. – 44 с.

12. Крекнин, С.К. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них / С.К. Крекнин // Вятские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11. – С. 65–83.

13. Луппов, П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века / П.Н. Луппов. – Ижевск, 1999. – 333 с.

14. Маркелов, М.Т. Культ умерших в похоронном обряде волгокамских финнов (мордва, мари, вотяки) / М.Т. Маркелов // Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. – Москва, 1931. – Т. 2. – С. 269–281.

15. Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров / В.Я. Петрухин – Москва, 2005 – 463 с.

16. Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях / Н.Г. Первухин. – Вятка, 1888. – 105 с.

17. Чураков, В.С. Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций / В.С. Чураков // Иднакар : методы историко-культурной реконструкции : сб. ст. – Вып. 1. – Ижевск : НОУ КИТ, 2007. – С. 51–64.

18. Шумилов, Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века / Е.Ф. Шумилов. – Ижевск, 2001. – 430 с.

THE SPECIFICITY OF THE UDMURTIAN POLYTHEISM: PRIMITIVE RELIGION AND FOREIGN INFLUENCE

E. NICHOLSKY

In this article discusses the uniqueness of religious beliefs of the Udmurt people, made characteristics of the Udmurts pantheon and its main deities. It is also made a conclusion that the concept of absolute good and evil and permanent institution of the priesthood (as a developed religion attributes) is not formed in this ethnocultural area. The figure of the supreme deity INMAR is firstly related to the ideas of W. Schmidt's original monotheisms. The beliefs of neighboring people: the Tatars and the Russian- had a special influence on the Udmurt people.

Keywords: Udmurts, paganism, polytheism Pantheon, good, evil, folk beliefs, evil spirits, sacrifices, primordial monotheism, religious syncretism.